

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Привидения на цыпочках

«ЭКСМО»

2007

Гусев В. Б.

Привидения на цыпочках / В. Б. Гусев — «Эксмо»,
2007 — (Дети Шерлока Холмса)

Вот так подарочек к первому сентября – на месте школьного стадиона возводят здание какой-то фирмы «Кис-кис»! Этим недовольны все – директор школы, ребята, их родители. На территории стройки действуют таинственные и непримиримые мстители, которые что есть силы вредят гнусному «Кис-кису». Но все напрасно – предводитель подозрительной фирмы некто Кошкинд неуязвим и всемогущ. Да кто же он такой? – теряет терпение великий сыщик Алешка Оболенский. И, чтобы избавить школу от этого кошмара, начинает расследование хитроумной деятельности гнусного Кошкинда...

© Гусев В. Б., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	17
Глава IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Валерий Гусев

Привидения на цыпочках

Глава I

Первый звонок

Конечно, врать не буду, учиться мне здорово надоедает. Особенно к весне. Но вот почему-то к осени снова тянет в школу.

– Это понятно – привычная среда обитания, – объяснил папа. – Лягушки тоже возвращаются в свое родное болото.

А мама задумчиво добавила:

– Человека всегда тянет туда, где он был счастлив.

На что Алешка так вытаращил глаза, что мне стало за них страшно, – показалось, они сейчас от изумления так и поскачут синими шариками по всей кухне. Наконец он пришел в себя и уточнил с негодованием:

– Когда это я там был счастлив?

– Всякий раз, когда тебя временно исключали за примерное поведение, – напомнил папа.

– И в прошлом году, – напомнила мама, – когда ты влюбился в Леночку Стрельцову из второго «Б».

– Это она в меня влюбилась, – насупился Алешка. – Бегала за мной, как стрекоза.

– Интересно было бы взглянуть, – сказал папа. – Ни разу не видел, как стрекоза бегают.

– Наверное, как заяц летает, – улыбнулась мама. – Только немного изящнее.

И почему у мамы с папой всегда такое хорошее настроение накануне первого сентября? Небось, когда у них отпуск кончается, они не летают от радости, как зайцы. И не бегают, как стрекозы. А тут рады до невозможности. Наверное, потому что испытывают некоторое облегчение, когда передают нас (хоть и на время) в другие руки. В добрые руки строгих педагогов. Которые нас не только учат, но и воспитывают. И перевоспитывают.

Хотя, по правде говоря, я немного все-таки по школе соскучился. И еще, по правде говоря, первое сентября все-таки праздник.

Вся школа собирается на стадионе, и он становится похож на громадную цветочную клумбу. Мы радостно галдим, родители сияют, учителя кажутся такими родными и близкими! Из динамика над школьным крыльцом все время звучит музыка. Про всякие школьные вальсы и счастливые школьные годы.

Наш директор, Семен Михалыч, полковник в отставке, бывший бравый командир гвардейского полка, подкручивает свои лихие усы и дает отмашку – динамик замолкает, а полковник начинает говорить приветственную речь.

Он говорит много торжественных слов и наивно выражает уверенность, что уж в этом-то году мы не обманем ожиданий наших прекрасных педагогов и наших славных родителей, что уж в этом-то году мы будем настойчиво повышать свою личную дисциплину и общую боеспособность нашей школы... Тут он немного сбивается и заменяет «боеспособность» на «процент успеваемости»:

– Приказываю: повышать процент успеваемости более энергично, чем в прошлом и, уж тем более, чем в позапрошлом году. Вольно!

После полковника так же радостно и торжественно выступают его «офицеры» – педсовет и начальник штаба... то есть председатель родительского комитета в лице мамы Прощкина.

Так председательницу прозвали в школе уже давно. Она, когда первый раз у нас появилась, так и представилась: «Я мамаша Вити Прошкина». Ну и осталась мамашей.

С ответным словом басит в микрофон Серега Никишов, наш доверенный представитель в совете школы. Он с озорной улыбкой нахально врет, что все мы полны желания учиться лучше, чем в прошлом году, и, конечно, еще лучше, чем в позапрошлом. А заодно и намного лучше, чем в будущем. Кто понял, тот смеется.

Потом на плечи Никишову – он у нас самый рослый старшеклассник – сажают самую мелкую первоклашку, с бантом на голове, и она в восторге трезвонит на весь район символическим звонком на деревянной ручке. И она будет так трезвонить, пока у нее не устанет рука и, опустившись, не ахнет Никишова тяжелым медным колоколом по макушке. И вовсе не символически.

Полковник дает команду: «Разойдись!» – и мы все, разбившись по классам, послушно тянемся в школьные двери. Некоторые родители не могут сдержать слез умиления, а некоторые первоклашки откровенно режут от страха во все горло и цепляются в отчаянии за родителей, будто понимают, какое суровое десятилетие ждет их впереди, с этого самого первого, счастливого дня. Динамик снова выдает школьные вальсы, где весьма заманчиво звучат слова: «Давно, друзья веселые, простились мы со школою...»

Мы бурными ручейками разливаемся по своим классам, и долгое время наши учителя не могут начать первый в этом учебном году урок. У всех нас, да и у них тоже, столько накопившихся новостей, столько впечатлений за лето, что настроиться на серьезный лад очень сложно. Да никто особенно и не старается. Первый учебный день – самый легкий и приятный, без оценок и замечаний. И мы еще долго не можем разойтись после уроков. Тусуемся в школе, возле школы, на стадионе.

Кстати сказать, наш стадион – это наша законная гордость. Его начали в свое время строить наши родители, а мы довели до совершенства своими руками. У нас там и футбольное поле, и две площадки – волейбольная и для баскета, – и всякие турники, брусья и шведские стенки. А года два назад мы, под суровой командой полковника, обсадили все вокруг молоденькими липами, каштанами и березами. И они шумят листвой и радуют глаз свежей зеленью.

Наш стадион приобрел всемирную... то есть всерайонную известность. Все соревнования между школами проходят на нашем стадионе. Им вообще пользуется для здоровья и бодрости все наше население – от самых маленьких (еще в колясках) до самых стареньких, которые по утрам всюю трусят от инфаркта по гаревой дорожке, овалом обегаящей зеленое футбольное поле. А зимой здесь сама собой прокладывается хорошая лыжня. И вырастает снежная горка.

У нас даже есть специальная дежурная команда, которая каждый день следит за чистотой и порядком на стадионе...

Но сразу скажу: в этот раз первого сентября все было не так. Родная школа встретила нас не очень-то приветливо...

Торжественное построение, посвященное началу учебного года (с цветами и родителями), прошло совсем не празднично. Не на нашем школьном стадионе, под сенью лип и желтеющих берез, а на узком заднем дворе, где была когда-то хоккейная коробка, которую наши местные бомжи разобрали для постройки своих хижин в соседнем парке.

А наш любимый стадион почему-то оказался огражденным высоким сетчатым забором. А за забором, на футбольном поле, зияли рыжие траншеи, на баскетбольной площадке грудились стопочками бетонные блоки и сваи, яма для прыжков скрылась под штабелем досок. А на сетчатых воротах висела большая фанерная табличка: «Родители! Не позволяйте детям играть на стройплощадке!» И был нарисован кран с грузом, который вот-вот оборвется и тяжело рухнет на землю.

Вот так! Даже не смешно. Оказывается, наш стадион – это не стадион вовсе, а стройплощадка. На которой детям играть категорически запрещено. Особенно – заниматься спортом.

Вот тебе и первый звонок!

Цветы, конечно, были. Были еще и улыбки и смех, но торжественного настроения фактически не было. Была общая толпа, в которой перемешались все классы и все родители. А чуть в сторонке тусовался педсостав с расстроенными и, мне даже показалось, виноватыми лицами.

Наш полковой директор выглядел так, будто проиграл решающее сражение. Причем проиграл, имея превосходство в живой силе и технике. И как он ни подкручивал свои усы, вернуть им былую лихость ему никак не удавалось.

Он традиционно поздравил нас, учителей и родителей, хмуро выслушал настороженные аплодисменты и еще более хмуро объяснил:

– Мы боролись! Мы все лето отстаивали нашу законную территорию. Это стоило нам новых седых волос и бессонных ночей...

– Можно подумать, – шепнул мне Алешка, – что они по ночам боролись. Со своими седыми волосами.

– И нам твердо обещали, – продолжил директор, – что уже в этом учебном году эта же строительная фирма возведет в парке все необходимые спортивные площадки.

– И два бассейна, – шепнул мне Алешка. – Один – с морской водой, а другой – с ключевой. И бомжи там будут свои пиджаки стирать.

– Оболенский-младший! – громыхнул директор. У него очень хороший слух. Когда не надо. – А у тебя все равно двойка по физкультуре!

– Теперь две будут, – пробормотал Алешка. И поднял руку, как в классе: – А что они тут будут строить? Может, казино?

Откуда-то из толпы учителей ринулась Алешке на помощь Любаша, его учителька. Крохотная такая, но решительная. И уже на ходу она звонко за него заступилась:

– Он шутит, Семен Михалыч! Он в казино не ходит!

Я вовремя дернул Алешку за руку и сунул ему под нос кулак. Он усмехнулся: мол, ладно уж, промолчу.

– Отвечаю, – продолжил директор. – Здесь будет построено административное здание совместного предприятия по производству чипсов и чупсов.

Он, наверное, ждал, что сейчас в ответ на эту новость грянут аплодисменты. От фанатов чипсов и чупсов. Но похлопал только Алешка. С ехидной усмешкой на устах.

И тут взорвались все наши нарядные родители. Они подняли такой гвалт, что с соседних деревьев сорвались любопытные галки и скрылись в парке. И сразу стало ясно – все они (родители, а не галки) учились в этой школе. И она им дорога не только как память о счастливом детстве, но и как надежда, что и у их детей детство будет складываться не менее счастливо. В том числе – и на стадионе. Спортивное детство.

– Безобразие!

– Отобрали у детей стадион!

– Нашим бедным детям и так выйти некуда, одни ракушки и машины кругом!

– Семен Михалыч, вы же офицер! Как вы допустили?

И все в том же духе. И немедленно прошлогодний родительский комитет под руководством мамы Прошкина решил написать коллективное письмо президенту.

Директор терпеливо переждал взрыв возмущения и заверил родителей, что борьба еще не окончена, что у педсовета есть боевые резервы и что все они будут пущены в ход. Вплоть до тяжелой артиллерии.

Отыскав взглядом Никишова, он подманил его кивком и усадил ему на плечо заранее подготовленную первоклашку с громадным белым бантом на макушке. Она брякнула Ники-

шова колокольчиком по голове, и мы нестройными колоннами, а вернее – толпой, потянулись в школу.

В общем, первый учебный день был сплошным митингом. Митинговали в классах, на переменках, в учительской. Все бушевало, бурлило, возмущалось, грозило и немного успокоилось только к третьему уроку.

Третьим уроком у нас была литература. Бонифаций сказал, что очень рад нас видеть, что соскучился без наших приколов и что в этом учебном году он будет еще более строг и требователен.

Бонифация мы любили. Он был добрый и справедливый человек. Очень вежливый, но ехидный. Он мог вместо заслуженной «двойки» обойтись одним подзатыльником. Бонифа-цием его прозвали очень давно. Может быть, еще наши родители, когда были его непослушными и любимыми учениками. На голове у него была грива волос в мелких кудряшках, как у известного льва из мультфильма, и он носил свитер почти до колен. Ну и любил детей. А также литературу. Не знаю, кого (что) больше.

– Итак, – сказал он, потирая руки от предстоящего удовольствия, – начало традиционное: все пишем краткое сочинение на тему: «Как я провел лето». Пишем не только коротко, но и ясно. Орфография и пунктуация пусть вас не тревожат, – тут же успокоил нас он. – Мне нужно знать, насколько вы поумнели или поглупели за лето и как в зависимости от этого строить предстоящий учебный процесс и наши отношения. Начали! – хлопок в ладоши. – Тишина в студии!

За лето, конечно, никто не умнеет. Бонифаций знал это не хуже нас. Он просто хотел отвлечь нас от неприятностей со стадионом. И чтобы мы, вспоминая прошедшее лето, наполнились положительными эмоциями.

Но ему это не удалось. Почти весь класс единодушно сдул сочинение у Сереги Никишова, нашего местного «авторитета».

Он написал коротко и ясно: «Минувшее лето тянулось для меня очень долго. Я с нетерпением ждал, когда вернусь в родную школу и рано утром пробегу десятков кругов по стадиону, сто раз подтянусь на турнике, покидаю мяч в корзину и даже попрыгаю в длину и высоту. А потом отдохну под сенью лип, которые я сажал и поливал собственными руками.

Не вышло! Какое разочарование! И какое коварство! Но ничего – каждый получит свое. Один за всех и все за одного! Граф де ля Фер (кликуха Атос)».

Андрюха Сельянов и Юрашка Козлов подписались соответственно – Портос и Арамис.

В этом нет ничего удивительного. Где-то с пятого класса их называют мушкетерами. Из-за крепкой дружбы, а еще из-за того, что они все время с кем-то борются. Причем иногда очень коварными методами. Не только шпагами, но и булавами...

Из школы мы с Алешкой возвращались вместе.

– Ну вот, – проворчал он, – началось...

– Что началось?

– Учеба всякая. Вернулись лягушки в родное болото. А в болоте – крокодил.

– Уже схлопотал? – догадался я. – Первая пара в новом учебном году?

Алешка кивнул.

– За что?

– Ни за что. За русский. Любаша сказала, что у меня в прошлом году было плохо с шипящими.

– И что?

– Говорит: придумай предложение с шипящими. Я и придумал: «Подушка упала с тахты и разбилась». То есть расшиблась. Хорошее предложение, нет, что ли?

Хорошее, ничего не скажешь. И подушка хорошая. Главное дело – редкая.

– Слушай, Дим... – Алешка уже перескочил на то, что в самом деле его волновало. Не о двойках же разговаривать. За три года он набрал их больше, чем старший брат за девять. Как ты думаешь: что такое справедливость? Она вообще есть, или ее люди придумали? Как сказки. Чтобы не очень грустно было жить.

Не знаю, поумнел ли я за лето (вряд ли), а вот то, что Алешка не поглупел, точно.

– Я еще об этом не думал, – признался я. – Но заметил, что справедливость гораздо реже бывает, чем несправедливость.

– Да! – горячо согласился Алешка. – Ну за что она мне двойку поставила? Надо было написать «падушка», что ли? – Но волновала его вовсе не «разбитая падушка». И не первая «двойка». – Знаешь, Дим, я догадался, почему несправедливость случается чаще, чем справедливость. Потому что за справедливость надо бороться! А кому это охота? А несправедливость никакого труда не стоит.

Я после слов брата даже приотстал от него немного – растерялся. А Лешка шел как ни в чем не бывало – поддавал ногой пустую пивную банку и глубоко размышлял о мировых проблемах добра и зла, справедливости и несправедливости. Худенький такой, хохолок на макушке, ранец с первой двойкой за спиной, незащищенный (на первый взгляд) борец за справедливость.

Встречная тетенька из соседнего дома с болонкой на руках сердито посмотрела на него и сделала замечание:

– Не греми своей банкой на весь квартал. Мусю напугаешь.

Я взглянул на ту Мусю. Похоже, что на руках у хозяйки такую Мусю только танком испугаешь. Да и хозяйка хороша – знает, кому можно без опаски сделать замечание, а кого лучше стороной обойти.

– Банка вовсе не его, – сказал я. – Он у меня ее отобрал. Это наш местный хулиган. Его тут каждая собака знает.

Что правда, то правда. В нашем микрорайоне все собаки – и домашние, и бродячие – Алешку обожают. Вот за что только? Он особенно их и не подкармливает, хотя всегда в кармане для них какой-нибудь кусочек найдется. И не сюсюкает он с ними, разговаривает по-человечески. Без всяких там команд: «рядом», «сидеть» и прочее. Он просто скажет: «Джек, посиди рядышком, что-то мне грустно». И громадный Джек – гроза всех собак района – сядет рядом, уставится на него преданными глазами и – раз уж Алешке грустно – положит ему на колено либо громадную лапу, либо огромную ушастую башку.

Трудно объяснить, почему они – все животные, от улитки до ежика – обожают Алешку. Наверное, чувствуют, что он борец за справедливость. А уж кому-кому, а нашим животным такие борцы жизненно необходимы.

И даже сердитая хозяйка Муси поняла, что если Алешка вдруг улыбнется ее болоночке, та тут же, без раздумий, вырвется из ее рук, соскочит на землю и заковыляет за Алешкой на своих коротеньких лапках хоть на край света.

Алешка подмигнул Мусе – она было дернулась, – но Лешка остановил ее взглядом и обратился не к ней, а ко мне:

– Надо, Дим, папу к стадиону привлекать. Он у нас всю жизнь за справедливое возмездие борется в своей милиции. Пусть уж и в нашем районе поборется. А мы ему поможем.

И он вдруг подобрал банку и отнес ее в мусорный контейнер – борьба за справедливость начинается с мелочей.

Глава II

«Щитавот на верблюди»

– Как прошел день? – спросил папа за ужином. – Есть достижения?

– Есть, – сказал я, – но не у нас.

И мы рассказали папе историю со строительством на нашем стадионе.

Папа нахмурился.

– Безобразие, – сказал он. – А что вы на меня так смотрите? Я ничем тут помочь не могу. Это не дело милиции.

– Интересно... – сквозь зубы процедил Алешка. – Какие-то взрослые люди круто обижают целую тыщу маленьких детей, а милиция стоит в сторонке!

– Да, отец, – напала на него и мама. – Ты бы мог поговорить со своим министром.

– Он ведь неглупый человек, – поддержал ее Алешка.

– Кто сказал? – удивился папа.

– Ты. По телефону. Я сам слышал.

– Выражайся точнее: подслушал!

– Пап, какая разница! – сказал я.

В общем, мы дружно навалились на него, и папа сдался:

– Обещать могу только одно: доложу министру. Если он даст добро, проведем проверку.

И если разрешение на строительство получено незаконно, примем меры.

– А если законно? – спросил Алешка. – Тогда не примете?

– Тогда не примем, – кивнул папа и ушел в свой кабинет.

– Тогда мы сами примем, – пробормотал ему вслед Алешка.

А мама шуточно подергала его за ухо. А надо бы всерьез.

Через несколько дней папа сказал за ужином:

– Я свое обещание выполнил. Стройка ведется на законном основании. В городе не хватает свободных земель для его развития. Когда нашей школе отводили место, ситуация была проще. Сейчас она осложнилась. Каждый метр земли стоит огромных денег...

– Отец, – прервала его мама, – ты покороче.

– Их же надо убедить! В районе принято решение строить это здание. И его будут строить. А одновременно в парке для вас и вообще для всех будет создан спортивный комплекс. Это даже лучше, чем среди домов и машин. Там, в самом центре, есть подходящая полянка...

– Бомжиная, – перебил папу на этот раз Алешка.

– Почему так? – спросила мама.

– А там раньше бездомные люди жили со своими собаками. Они там целый город построили.

– Собаки? – удивилась мама. – Надо же!

А удивляться тут нечего. В нашем парке, в самой его серединочке, одно время жили бездомные люди. Целая деревня. Они там себе настроили палатки из пленки и что-то вроде хижин из всякого хлама. Обосновались, в общем. А потом к ним потянулись бродячие собаки и очень хорошо там прижились. И охраняли это поселение так, что попробуй сунься. Никто и не совался. Только гуляющие по окраинам парка пенсионеры и молодые мамы с колясками опасливо посматривали на дымки от костров и тревожно прислушивались к лаю собак.

Ну, потом их всех оттуда выселили. Сначала приехали собачники и отловили всех собак, а потом милиция забрала всех бомжей и отвезла в приют для бездомных. А их покинутый лагерь так и остался на полянке в центре парка. Полянка до сих пор носит имя Бомжиной.

– В общем, – подвел итог папа, – нарушений нет и возражений быть не может.

– Надо же! – ехидно выдал Алешка. – А кто-то говорил, что задача милиции – борьба за справедливость. Дим, ты не помнишь: кто? Не твой папа случайно?

– И твой тоже, – ехидно усмехнулся и я. – И мамин муж.

– Нельзя так с отцом разговаривать! – Маме стало жалко своего мужа. Он так устает на работе...

– Он там за справедливость борется, – проворчал Алешка.

Позже выяснилось, что мы напрасно нападали на папу. Они со своим министром даже обращались в правительство Москвы. Но там им вежливо намекнули, что каждое ведомство должно заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие. Строительство ведется в соответствии с нормами, разрешение на него получено на законных основаниях.

И оно шло, это строительство. Прямо за окнами нашей школы. Приехали два автокрана, грузовик притащил жилой вагончик, где поселились смуглые узкоглазые строители. Стали вовсю копать ямы для фундамента и завозить стройматериалы.

И стал сюда часто приезжать застройщик – будущий владелец здания и глава фирмы под смешным названием «Кис-кис». Этот застройщик приезжал на большой черной машине с водителем и охранником. Водитель и охранник стояли за его спиной и внимательно, не поворачивая головы, а только зыркая глазами, осматривали все кругом. Особенно – окна нашей школы, будто оттуда какой-нибудь малолетний злодей мог ахнуть из рогатки. Или из гранатомета.

А застройщик горячо обсуждал с прорабом разные производственные вопросы. Он все время спорил с ним и часто приговаривал: «А вот у нас, в Англии...»

Алешка почему-то проявлял к этому господину повышенный интерес. Наверное, потому, что и сам побывал в Англии. Целых два дня. Когда приезжал туда как победитель конкурса «Юный Шерлок Холмс». Так что уж Лешка-то точно знал, «как там у нас, в Англии». И он очень внимательно прислушивался к разговору. А один раз, когда застройщик важно шагал к машине, Лешка даже что-то спросил у него по-английски. Это меня страшно удивило: Алешка довольно свободно владел английским, но в пределах «фейсом об тейбл» и «фул» (дурак, по-нашему). Но мне показалось, что английский застройщик владеет английским языком еще хуже: он совершенно не среагировал на Алешкино обращение. Но, может, тому была и другая причина – шибко он был важный. И прораб уважительно называл его господин Кошкинд. Такая, значит, у него русская фамилия с английским акцентом.

И вот в один прекрасный день (как раз была первая переменка, и мы всей школой высыпали на школьный двор) подъезжает мистер Кошкинд, а на воротах, рядом с табличкой о детях и родителях (и кранах с грузами) трепещет на утреннем ветерке большой плакат, на котором красным маркером намалевано: «Вы все дураки!»

Мистер Кошкинд коротко взглянул на лозунг и усмехнулся. Посмотрел на прораба.

– Неубедительно, – буркнул хмурый прораб и, содрав плакат, развернул перед застройщиком план будущего здания. Они с Кошкиндом уткнулись в него и опять стали спорить о том, как лучше размещать на территории стройматериалы и технику.

А потом прораб вежливо спросил:

– Василь Василич, а зачем такую большую этажность запроектировали? Куда излишки денем?

– Какие излишки? – снисходительно усмехнулся Кошкинд. – Моя фирма под офис займет три этажа. Фитнес для сотрудников и всех желающих организуем. Спортивные залы, бассейн. На крыше соорудим теннисные корты...

– И казино, – подсказал Алешка. – Вам фитнесы, а нам – фиг!

– Не баловайся! – одернул его прораб.

А Василь Василич подытожил:

– А остальные площади в аренду сдадим. Денежки будут капать.
И они снова уткнулись в развернутый план.

Лешка, конечно, не утерпел и тоже сунул в план свой любопытный нос. Здание было какое-то странное. Все какое-то угловатое, неожиданное, да еще на его верхушке торчала круглая башенка с овальными окнами и крышей-пирамидкой.

– Как пупок на спине, – громко сказал мне Алешка.

Прораб сердито обернулся:

– Иди отсюда! Что ты тут столпился?

Мы хихикнули и пошли в школу – нас позвал звонок, переменка кончилась. Интересно: звонок у нас в школе один, а почему-то звонок с урока и звонок на урок – совершенно разные. Будто их два: вредный и полезный.

– Твоя работа? – спросил я Алешку про плакат протеста.

– Вот еще! – искренне возмутился он.

Я ему поверил, он за лето опять повзрослел. И я сказал:

– Да, когда милиция бессильна, тогда появляются народные мстители.

– И вешают плакаты, – презрительно отозвался Алешка. – А толку от них – как от всяких митингов.

Тем не менее плакаты на воротах стали появляться постоянно. Прораб терпеливо их срывал, а кто-то снова терпеливо их развешивал. Но после того, как появился плакат угрожающего типа: «Ну, вам же хуже будет!», в воротах поставили охранника.

На первое время это помогло, а потом охранник весь день ходил с приколотой на спине бумажкой: «Ты тоже дурак!» Школьный народ выражал свое возмущение.

После этого охранников стало двое. Один следил за воротами, другой – за его спиной.

Дошло даже до того, что к директору заявился хмурый прораб и сердито потребовал принять меры против хулиганов.

– Вот! – развернул он перед ним на столе мятый плакат, где обещалось: «... хуже будет». – Вот! Примите меры!

Семен Михайлович меры принял – красным карандашом исправил ошибку.

– Это все? – Прораб так возмутился, что покраснел как помидор. – Все ваши меры?

– А что я могу еще сделать? – усмехнулся Семен Михайлович. – Стихийный протест школьных масс. Вы мне покажите этих хулиганов, тогда я их накажу.

– А я их видел? – И прораб ушел, очень недовольный. Сказал на прощанье: – Не школа, а бандитское гнездо.

Семен Михайлович опять усмехнулся, ему вслед, однако после уроков собрал все-таки нас в актовом зале. И сказал грозную речь, завершив ее словами:

– Я, как строевой командир, категорически против партизанских методов борьбы! Какие-то листовки, прокламации! Казаки-разбойники! Робин Гуды! Дубровские! Этими глупостями вы ничего не добьетесь. Здесь нужна разумная стратегия и боевая тактика. Всем понятно?

При этих его словах Никишов и его два мушкетера значительно переглянулись. Будто наш грозный полковник невольно подсказал им ответ на задачку контрольной.

В общем, речь директора была строгой, но неубедительной. Наверное, потому, что он и сам был готов к партизанским методам. Потому что нормальная стратегия и бумажная тактика были бессильны против превосходящих сил противника.

И еще меня смутила пропажа из дома красного маркера.

После уроков я отловил Алешку возле стройки, взял его за воротник и строго спросил:

– Все-таки это ты плакаты писал! Включился в борьбу?

– Ты что, Дим! – очень убедительно воскликнул он. – Я что, дурак? Если хочешь знать, это все детские штучки.

– А где наш маркер?

– Откуда я знаю? Кому ты его отдал?
Вот нахал!

Конечно, меня «детские штучки» не беспокоили. Меня беспокоило другое: не поведет ли Алешка свою собственную борьбу против строительства – за наш стадион? Он-то наверняка записочками не ограничится. Мне даже немножко жалко стало и краснощекого прораба, и смуглых строителей. Но, конечно, не застройщика «Кис-кис» по фамилии Кошкинд.

Время шло. Шло строительство. И становилось все более впечатляющим. И тут мы с Алешкой решили сходить в парк, посмотреть, как строится спортивный комплекс. С двумя бассейнами.

Никакого строительства там, конечно, не было. Им там даже и не пахло. А пахло довольно неприятно. Бомжей и собак давно отсюда убрали, а запах остался. Остались и развалюхи, в которых они жили. Жалкое зрелище. Из старых досок, из рваной пленки, из каких-то обломков и лохмотьев. И здесь жили люди!

– Вот! – возмутился Алешка. – Вместо всяких фитнесов и фирм построили бы лучше дом для бездомных.

– Фирма деньги платит, – сказал я. – А бездомным людям платить нечем.

Побродили мы вокруг полянки, посмотрели. И поняли: никакого спортивного комплекса здесь не будет, все это вранье. А будет обычная свалка. Сюда уже заезжали самосвалы и сбрасывали всякий мусор.

Наш родительский комитет, к слову сказать, не сидел сложа руки – возмущался и писал грозные письма во все адреса. К нам даже из газеты приезжали. И еще какие-то комиссии. И даже телевидение. Они засняли вырубленные деревья, пеньки от них, записали гневную речь директора и уехали. И на следующий день дали репортаж. Молодой корреспондент, чем-то похожий на Кошкинда, восторженно сообщал, как преобразается наша замечательная столица. Как на месте пустырей и «диких» детских площадок возникают прекрасные постройки современной архитектуры. Как на месте сорных древесных пород возникают «рукотворные насаждения» в виде благородных кленов и голубых елей.

– Конечно, – завершил свой сюжет корреспондент, – некоторые несознательные жители выступают против прогрессивного строительства и пытаются стихийными методами ему помешать, но... – И тут он включил нашего полковника, который на экране взъерошил усы, решительно взмахнул рукой и рявкнул: «Этому не бывать!»

А ведь на самом деле рявкнул Семен Михалыч совсем в другом смысле.

И строительство шло себе и шло. Как сказал один из узкоглазых рабочих: «Собака лает, а караван верблюдов идет».

– Сам ты верблюд! – сказал ему Никишов.

– А ты собака! – не остался тот в долгу. И пошел в свой вагончик. Наверное, плов готовить.

– И чего ты, Серега, на него набросился? – спросил вдруг Алешка. – Он ведь не виноват.

– А мне все равно, кто виноват, – холодно отрезал Никишов. – Я их сюда не звал.

Сельянов дожевал яблоко (он все время что-нибудь жевал) и сказал:

– Я – тоже. Я без нашего стадиона толстеть начал.

Приврал немного: Андрюха толстеть с самого рождения начал. А на стадионе он обычно сидел на скамеечке, что-нибудь жевал и наблюдал за достижениями наших спортсменов.

Лешка не стал спорить. Он только усмехнулся. Но с таким превосходством, что мушкетеры растерялись. Только Юраша Козлов спросил:

– А тебе что, стадион не нужен? Ты за кого? Ты за них или за нас?

– Я за справедливость, – скромно ответил Алешка и потупил глазки.

Сегодня первым уроком у нас была литература. Бонифаций про Анну Каренину нам рассказывал. Так трепетно, будто она его родной тетей была. Но я плохо его слушал. Я прислушивался к шуму за окном, на стройке. Там была какая-то суета и ругань. Галдеж стоял сплошной. Непонятный. Во всех классах учителя стали захлопывать окна. А с улицы несло:

- Искру проверил?
- Да есть искра!
- Топливо подается?
- Еще как!
- Так что ж он молчит?

И все эти фразы сопровождалось, как говорит Бонифаций, крутой ненормативной лексикой. Ругательствами, если по-простому.

Тут чей-то другой голос вмешался, совсем рядом, прямо у меня над головой:

– Оболенский, а вот вы как оцениваете Стиву Облонского? – Бонифаций, когда на нас сердится, на «вы» нас называет. – Можете не вставать.

– Облонский? – переспросил я, выигрывая время. – Стива? Аркадич? Это который ее брательник?

Выиграл! Звонок прозвенел. И мы помчались во двор. Алешка уже был там. Прилип к забору. А за забором строители столпились вокруг автокрана. Капот у него был поднят, и из-под него торчали задние части водителя. Передними он вовсю ковырялся в моторе. А все вокруг давали ему советы. Особенно – прораб. Он опять был весь красный и злой. Оказывается, пришел панелевоз, а автокран никак не заводится, разгружать панели нечем. Водитель панелевоза тоже ругался:

– Мне тут у вас стоять нечего! Мне за простой не платят! Мне за рейс платят! – И он тоже полез под капот крана.

Алешка с таким интересом наблюдал и слушал, что я даже его заподозрил.

– Ты что! – возмутился он. – Наши родители своих детей на стройплощадку не допускают. Это, Дим, какие-то непримиримые мстители.

Зазвенел звонок, мы вернулись в школу.

К концу занятий машина так и не завелась. Водитель панелевоза, ругаясь, отцепил прицеп и уехал. А водитель автокрана так и остался торчать под капотом, время от времени забираясь в кабину и пытаясь запустить двигатель.

– Мне прямо жалко его, – сказал Алешка.

– А мне нет, – сказал подошедший Никишов. – Плохой водитель. Машину не знает. – И усмехнулся.

Ближе к вечеру я пошел в школу – на занятия нашего драмкружка. Вернее, нашего школьного театра. Вел эти занятия все тот же фанат Бонифаций. Ему уроков мало. И он ставит на сцене пьесы по школьной программе. Чтобы мы лучше усваивали материал. И глубже проникались великими идеями и тонкими чувствами.

У дверей школы я встретился с чумазым водителем автокрана и злым прорабом. В руках прораба почему-то была грязная губка.

Они поднялись на второй этаж и напрямик прошествовали в кабинет директора. Я, конечно, такой случай упустить не мог. И стал подслушивать за дверью. Благо разговор был громкий.

– Вот! Полюбуйтесь! – слышался голос прораба. – Ваша работа! Ваших партизан!

Что отвечал директор, я не слышал – он говорил негромко и спокойно. Бывший офицер, выдержанный такой. Водитель тоже помалкивал. Зато прораб разорвался за троих:

– Автокран простоял весь день! Кто-то засунул в выхлопную трубу эту гадость! Разберитесь и накажите! И чтобы впредь такого не было!

Голос прораба слышался все ближе – я догадался, что он идет к двери, отбежал и спокойно пошел по коридору.

Дверь кабинета распахнулась.

– Или мне в милицию обратиться? – бушевал прораб.

– Во-первых, – спокойно ответил Семен Михалыч, – я не уверен, что это сделали мои ребята. Во-вторых, у вас есть охрана. Все претензии к ней. А в-третьих, у меня встречная просьба: старайтесь поменьше шуметь на вашей стройке. У нас ведь занятия идут.

– Ну! Это не в моих силах! – фыркнул прораб. – Как это можно строить тихо?

– Постарайтесь хотя бы, чтобы ваши орлы громко не ругались.

Прораб аж расхохотался.

– Вы взрослый человек! Где это вы видели стройку без крана и без ругани? Это уж, извините, специфика производства. Тут я бессилен.

– Что ж, у меня тоже специфика, – пожал плечами наш полковник. – Я не следователь. – И он вернулся в кабинет.

Вот так начались на стройке странные события. Будто новое здание возводили на заколдованном месте. Как-то все у них не ладилось. Можно было даже посочувствовать. Если бы, конечно, не грустная картина разорения нашего родного стадиона.

Как-то вечером (за ужином, конечно) папа спросил нас:

– Что у вас там творится?

– Где?

– На стройке. Там какое-то вредительство идет.

– Да не умеют они строить, – отмахнулся Алешка.

– Ну-ну... – Папа спрятался за газетой и сказал из-за этого укрытия: – В отделение милиции застройщик заявление принес. Просит обеспечить безопасность.

– Ну и милиция у нас! – возмутилась мама. – За детей они заступиться не могут, а за всяких... настройщиков...

– Застройщиков, – поправил папа, выныривая из-за газеты. – Вчера кто-то губку в выхлопную трубу засунул, сегодня электричество кто-то вырубил, а завтра они взрывное устройство подложат!

– Это мысль, – сказал Алешка, не отрываясь от тетради.

– А что ты там пишешь? – спросила мама. – Покажи! – Она взяла его тетрадь. Наверное, подумала, что Алешка уже рисует схему взрывного устройства.

– Опять шипящие, – вздохнул Алешка. – Примеры придумываю.

Мама прочла вслух: «Кишмиш съел осла».

– Это как? – безмерно удивился папа.

– «Кишмиш сел на осла», – поправил Алешка. – Я так написал, мама неправильно прочитала.

– Это кто же тебе посоветовал? Ты знаешь, что такое кишмиш?

– Знаю. Так одного рабочего на стройке зовут.

– Кишмиш, Алексей Сергеич, – объяснил папа, – это виноград без косточек. Употребляется в свежем и сушеном виде. А также, время от времени, в виде вина.

– Надо же! – удивилась мама. – А я думала, это такой изюм. – Она хихикнула: – Который сел на осла.

– Вообще, – нахмурился папа, – мне не нравится, когда людей другой национальности называют всякими унижительными кличками. Чурек, кишмиш, бульба и прочее. Тебе понравится, если тебя назовут огурцом соленным? Или маму капустой?

– Без разницы, – отмахнулся Алешка. – Хоть Рязань косопузая.

– Мне тоже без разницы, – сказал я. – Мне неважно, как человека называют. Главное, чтоб он человеком был.

– А этот Кишмиш, – сказал Алешка, – узкоглазый такой, узбекский таджик, он хороший человек. Он никогда плохими словами не ругается. Он даже на живом верблюде ездил. Этот Кишмиш...

– Господи, – вздохнула мама и зажала уши.

– Ну ты сама придумай что-нибудь на шипящее! – взмолился Алешка. – Думаешь, просто?

– Запросто! – выпалила мама. – Вот, пожалуйста: «Шковородка шкворчала на печи».

– Класс! – восхитился Алешка и быстренько записал эту волшебную шкворчащую фразу. – А еще слабо? Пап, твоя очередь.

– «Счетовод щелкал на счетах».

– Блеск! А как надо писать: «щитавот» или «щетабот»?

– В словаре посмотри, – посоветовала мама.

Алешка послушно снял с полки словарь, пролистал.

– Тут нет этого слова. Оно, что ли, иностранное?

– А ты на какую букву это слово ищешь? – спросил папа.

– Как на какую? На «ща», конечно.

– Ну-ну... – Папа вздохнул, снова скрылся за газетой и ехидно посоветовал: – Ишчи полутше, щитавот на верблюди.

Алешка послушно записал и эту фразу.

Глава III

Непримиримые террористы

А в школу на следующий день пришел наш молодой участковый и попросил директора собрать всех нас в актовом зале. На профилактическую беседу.

За столом на сцене уселся весь педсостав во главе с директором. Сбоку примостился молодой участковый с бледным от волнения лицом. Мы долго ему аплодировали. Директор встал.

– Тишина в зале! – командирским голосом рявкнул он. – Полное внимание! – Повернулся к участковому: – Приступайте, товарищ лейтенант.

Товарищ лейтенант, преодолевая волнение, встал, подошел к самому краю сцены. Поздравил нас с началом учебного года и пожелал нам успехов в учебе.

Мы ему опять долго аплодировали. До очередного «Тишина в зале!».

А участковому наша реакция понравилась. Это были, наверное, первые аплодисменты в его жизни. Он окончательно справился с волнением и начал толково говорить о безжалостной статистике:

– Безжалостная статистика свидетельствует о том, что после летних каникул, к великому сожалению, в городе намечается рост дорожно-транспортных происшествий с участием детей и подростков. – Тут он вздохнул и заговорил уже нормальным языком: – За время каникул, которые вы проводили за чертой города, вы расслабились, потеряли бдительность, отвыкли от опасностей дорожного движения. – Затем опять пошла безжалостная статистика, уже в местном масштабе: – Дорожная обстановка в нашем районе очень сложная, движение транспорта крайне интенсивное и насыщенное. Два проспекта, автомагистраль в сторону аэропорта, несколько рынков, на которые все время идут потоки грузового автотранспорта. Что делать?

– Перекрыть интенсивные и насыщенные потоки автотранспорта! – радостно подсказал Никишов.

– Закрыть аэропорт! – добавил Сельянов и что-то проглотил.

– Заминировать рынок! – завопил Юраша Козлов.

Директор свирепо сверкнул очами. Участковый улыбнулся.

– Хорошо, – сказал он. – Я напишу рапорт начальству, а вы пока будьте внимательны на улицах города. Будьте дисциплинированы, соблюдайте правила дорожного движения, а также личной безопасности.

И дальше он очень толково рассказал нам об этих самых мерах.

– Все ясно?

Тут Алешка тоже не выдержал, чтобы не шулиганить. И отчеканил:

– Все ясно: трамвай стоящий обходи только спереди, но не сзади! – Последнее слово для рифмы он произнес с ударением на «и».

Директор сверкнул очами. Участковый улыбнулся:

– А автобус?

– Стоящий автобус обходи только не спереди, а только сзади! – не растерялся Алешка.

И тоже сорвал аплодисменты.

– Вопросы есть? – спросил товарищ лейтенант.

Погалдели немножко, похихикали. В общем-то, такие беседы для нас редкостью не были – каждый год в сентябре их проводили милиционеры нашего отделения.

– А у меня вопрос есть, – неожиданно сказал участковый. – Даже не вопрос, а просьба. В последнее время на соседней с вашей школой стройке происходят странные события. Иначе как вредительством их назвать нельзя. Вы все время рядом, вы все очень глазастые и наблюда-

тельные граждане. Поэтому я вас прошу: если вдруг заметите что-нибудь необычное, заслуживающее внимания милиции, срочно сообщите мне или прямо дежурному по отделению. Договорились?

– Договорились! – заорали мы всем хором. Нам понравилось, что участковый не стал подозревать нас в этих вредных проделках, а обратился к нам за помощью. Хотя мы и сами ломали головы – кто так настойчиво борется со строительством?

А директор придвинулся к Бонифацию и что-то проговорил ему в ухо. Похоже: «Это называется – пустить козла в огород».

Участковый сообщил нам все свои телефоны и попрощался. Директор поблагодарил его и заверил, что он тоже теперь всегда будет обходить стоящий трамвай «только спереди, но не сзади!»

– Правда, – добавил он с сожалением, – трамваев у нас в районе нет.

– Зато будет совместная фирма «Кис-кис» по производству чупов и чипов! – выкрикнул Никишов.

Директор открыл было рот, но почему-то вдруг наступил на горло собственной песне. И, честное слово, мне показалось, будто в глазах его неумолимо сверкнуло: «Этому не бывать!»

Да, какие-то странные дела происходят в нашем коллективе. И вокруг него тоже...

Теперь мы ходили в школу, как в цирк. Ареной была строительная площадка. Там все время что-то случалось. Представление такое. Загадочное и непонятное. Будто какой-то фокусник творил вредные чудеса.

Сегодня, например, мы вдруг слышали со стороны стройки приглушенные вопли и стуки. Продолжались они до одиннадцати часов. Пока не приехал прораб. Он обычно приезжал к этому времени – получал с утра указания застройщика. А рабочие копошились на стройке с девяти утра.

Но сегодня они почему-то не копошились на стройке. Вместо этого мы слышали крики и стуки.

– Можно выйти, Игорь Зиновьевич? – спросил Никишов. Ясно – на разведку.

– А что? – обиделся Бонифаций. – Тебя не волнует судьба Анны Карениной? Или очень надо?

– Волнует, но очень надо. – Никишов даже жалостно сморщился, показывая, как ему «очень надо». И выбежал из класса.

Я сидел у окна. Мне хорошо было видно, как Никишов выскочил на школьное крыльцо и, приложив ко лбу ладонь от солнца, что-то рассматривал на стройке.

Вернулся он сразу после звонка на перемену. И радостно сообщил:

– На стройке опять ЧП! Кто-то запер бригаду в вагончике. Они там бушуют, а выйти не могут!

– Вот радость-то, – ядовито заметил Игорь Зиновьевич. – Только низкие души счастливы чужой бедой.

– А я не радуюсь. Я удивляюсь. Какой-то Робин Гуд воюет за справедливость.

– Неуловимый мститель, – покивал Бонифаций.

– Вы его осуждаете? – притворно ахнул Серега. – Непримиримого?

– Естественно. Этим бедным людям на стройке надо работать. Зарабатывать на жизнь.

У них семьи, которые надо кормить.

Никишов немного смутился. Но ненадолго. И пробормотал:

– На чужой беде свое счастье не построишь. Вы сами говорили.

– Никишов, ты выше меня на целую голову. Но эта голова...

– Договаривайте, Игорь Зиновьевич, я не обижусь, – вздохнул Никишов. И сделал плаксивое лицо. – Я уже привык.

В одиннадцать часов приехал прораб и выпустил пленников. И пошел к директору. Он скоро у нас тут ночевать будет. Или учиться. У нас многому можно научиться.

Директор и на этот раз отбил нападение. И еще более решительно, чем прежде.

– Первому, которого поймаю, – шумел и грозился прораб, – надеру уши! Второму надаю по...

Тут он запнулся (все-таки школа), а директор подсказал:

– По затылку.

– Пусть будет по затылку, – согласился прораб. – А третьего отведу в милицию.

– Послушайте, – Семен Михалыч постучал ладонью по столу, – у вас уже три охранника.

Какие могут быть претензии? Требуйте с них. Они у вас бездельники. Они только курят и пьют пиво. И непристойно выражаются.

– Ваши ребята все время вертятся возле стройки.

– Прогоните.

– Как же! Их прогонишь. – И он здорово передразнил кого-то из ребят писклявым голосом: – «А нам участковый велел! Мы милиции помогаем!»

– Участковый действительно обращался к ним, подтверждаю.

– А я вас предупреждаю! – завопил прораб. – Сегодня мне пригрозили увольнением.

– Послушайте, – директор опять постучал по столу. – У вас навязчивая идея. Нашим стадионом пользовался весь микрорайон. Вокруг футбольного поля даже несколько стариков по утрам друг за другом бегали. Почему вы привязались к моим мальчишкам?

– По-вашему, это старички дурацкие записки с ошибками пишут и технику безошибочно из строя выводят, да?

– Не исключаю, – улыбнулся директор. – Они, вполне возможно, вспомнили свое пионерское детство. Когда их учили не отступать перед трудностями и бороться за справедливость.

– Справедливость... – Прораб не нашел слов и хлопнул дверью.

А наш Лешка в последнее время стал задумчив. Размышлял. Хмурился. Что-то бормотал странное. То впадал, то не впадал. Однажды я от него услышал: «Чужими руками змею не убьешь».

– Какую змею? – спросил я.

– Пословица такая, – объяснил Алешка. – Мудрая, восточная.

Но главное – куда-то время от времени он исчезал.

– Где бегал? – спросила его мама.

– Ветер догонял, – лаконично ответил Алешка. Тоже, наверное, мудрой пословицей. И «расшифровал» ей же: – Искать правду, что ветер догонять.

Мама испуганно потрогала его лоб и покачала головой.

– Мой руки и ложись спать.

– Конечно, – отвечал Алешка. – Грязные руки пачкают и лицо.

Опять пословица. И где он их набрался?

А однажды он вдруг отказался от обеда.

– Что с тобой? – тревожно спросила мама. – Ты не заболел? Доконают тебя эти шипящие.

– Я уже обедал. В гостях.

– В каких гостях? – удивилась мама.

– У узбекских таджиков.

Я хмыкнул: «Узбекские таджики!» Хорошо еще, что не индейские чукчи.

– Они меня своим пловом накормили! – Тут Алешка сильно оживился. – Мам, ты тоже здорово плов делаешь. Но неправильно.

– Вот еще! – Похоже, мама немного обиделась. – Я его по книге готовлю.

Тут Алешка заважничал.

– А ты кладешь в него фрукты и овощи? Барбарис и мушмулу? А чтобы плов был золотистым, в него добавляют шафран. Вот!

– Где же я тебе мушмулу с шафраном возьму? – расстроилась мама. – А, кстати, что это за звери?

– Ну... – Тут Алешка немного скис. – Мушмула это, мам, такая штука... Вроде этой... как ее... А шафран – это краска такая, желтая... Поняла?

Мама кивнула.

– А олифу не надо добавлять? – спросила она серьезно. – Или гуашь? А давай, Леня, я вам яичницу на масляной краске буду жарить. Для красоты. Она вся разноцветная будет. Радуга на сковородке.

– Ты у папы спроси, – вывернулся Алешка и тут же выдал: – А плов надо есть руками! Так вкуснее.

– Кишмиш посоветовал? – рассердилась наконец мама.

– Он не кишмиш. Его зовут Абдукарим Абдукадырович. Очень хороший человек. У него на родине двое детей. Черноглазые такие. Он мне их фотографии показывал. И он, мам, все время пословицами говорит. И никогда не ругается.

– Не научился еще, – сказала мама.

– Я тоже, – сказал Алешка. – И не собираюсь.

В общем, выяснилось, что Алешка сильно подружился со строителями и частенько навещает их вагончик, где с аппетитом кушает руками восточный плов с шафраном. И слушает восточные пословицы.

Честно говоря, я до сих пор подозревал, что акции протеста на стройке без Алешки не обходятся. Более того, когда протест принял более решительные формы (в виде губок в выхлопной трубе), Алешка решил разведать – кто этим занимается, чтобы и самому включиться в борьбу. И его дружба с «таджикскими узбеками» – просто расчетливая разведка. Чтобы начался новый этап протеста.

Но, смотрю, что-то в Алешкином отношении к стройке стало меняться. Хотя частенько я видел его за секретными разговорами с Никишовым.

Но дальнейшие события стали развиваться совершенно неожиданно...

Позже я узнал, что разведку Алешка в самом деле проводил. Но совсем другую и совсем с иной целью. Впрочем, все по порядку...

Является Алешка домой. Вежливый такой и послушный. Сразу видно, кланчить что-то у мамы начнет. Он всегда, когда что-нибудь надо выпросить, подлизывается к ней немного. А маме это нравится.

Но оказалось все не так опасно.

– Мам, можно я одного мальчика к нам позову? С приставкой поиграть.

– Конечно, – сказала мама. И тут же уточнила: – Ни в коем случае: у меня сегодня стирка.

– Не понял, – признался Алешка.

– Завтра позови. У меня завтра пироги.

Вот так мы и живем: сегодня – стирка, завтра – пироги.

– А что за мальчик? – спросила мама. – Твой друг?

Алешка как-то странно взглянул на нее. Если бы мама в этот момент была повнимательнее, она бы прочла в его взгляде: «Скорее нет, чем да». Или ей на ум пришла бы восточная поговорка: «Хлопок с огнем не дружат».

– А кто такой, Лех? – спросил я. – Я его знаю? Из нашей школы?

Лешка кивнул.

– Кошкин. Из третьего «А».

– Лёвик? – безмерно удивился я. – Ничего себе!

Алешка пожал плечами.

Этот Лёвик Кошкин – замечательная личность. Его отец работает в правительстве Москвы, важный чиновник. А Лёвик ведет себя так, будто не его отец, а он сам такой чиновник. Он, даже общаясь с учителями, об этом не забывает.

– Зря вы мне двойку поставили, – нудит Лёвик. – Вот мой папа... – Ну, и так далее.

Вообще – противный пацан. Хотя и похож на Карлсона. Толстенький, круглощекий лакомка. И очень любит что-нибудь натворить. Только чужими руками. Чтобы попало не ему, а другим. Он заводной такой. Взбулгачит весь класс, дым коромыслом, парты вверх ногами, на доске какую-нибудь пакость напишет. Их учитель прибежит, как на пожар, – в классе все буйствуют. Всех надо наказывать. Только Лёвик один сидит себе смиренненько, пухлые ручки перед собой – весь из себя сплошная дисциплина. Только между пухлых щечек узкие хитрые глазки поблескивают.

Лёвика часто подвозят в школу на большой черной машине. И Лёвик важно выходит из нее и направляется к подъезду, как большой министр. С портфелем. И часто говорит:

– Надоела нам с папой ваша убогая школа. Меня скоро переведут в частную гимназию. Или в колледж.

Поскорей бы уж!

И вот Лешка вдруг задружился с ним. Ох, неспроста!

Когда на следующий день я пришел из школы, дома славно пахло пирогами. И Лёвик был уже тут.

Он ходил по нашей квартире, с любопытством все осматривал и с осуждением говорил:

– А это ваш телевизор? Зачем такой старый? У нас дома три или четыре телека. И домашний кинотеатр. А это ваш холодильник? Зачем такой маленький? У нас дома три холодильника, а нам все равно не хватает...

«Жрете много?» – прочел я в Алешкиных глазах немой вопрос. Но тут вмешалась мама и усадила нас пить чай с пирогами.

Лёвик уминал пирожки, как Карлсон плюшки.

– А у нас дома пирогов не бывает, – бубнил он с набитым ртом. – Мы всякую вкусноту в магазинах берем. В супермаркетах.

– Тебе не нравятся мои пироги? – огорчилась мама.

– Нравятся, – признался Лёвик. – Только они у вас очень маленькие. Вот один раз папа принес с работы торт. Знаете, какой? Он еле в дверь пролез!

– Твой папа? – невинно спросил Алешка.

– Торт! – гордо ответил Лёвик и впихнул в рот очередной пирожок. – Вы знаете, кто мой папа?

– Вся Москва знает, – сказал Алешка.

– А вашего папу? – спросил небрежно Лёвик. – Его знает вся Москва? Он кто?

– Полковник милиции! – сказала мама с гордостью.

– А мой папа говорит, что он главнее всех генералов! – Лёвик отдышался и встал. – Ну, я пошел.

– Что же так скоро? – притворно вздохнула мама.

– Пирожки кончились, – откровенно признался Лёвик. – Я завтра к вам приду.

– А мы пироги не каждый день едим, – намекнула мама.

– А я каждый день ходить к вам не буду.

Огорчил, подумал я. Сейчас зарыдаем.

– Мне его жалко, – сказала мама, когда за Лёвиком закрылась дверь.

– А мне – нет! – жестко сказал Алешка. И добавил по привычке загадочную пословицу: – По сыну судят об отце.

– Тогда... – Мама вопросительно на него взглянула своими красивыми глазами. – Тогда я тебя, Алексей, не понимаю.

– Так надо! – скупобронил Алешка. – А папе хоть пирожки остались?

Позаботился о нашем бедном полковнике. Которого не знает вся Москва.

– Конечно! – засмеялась мама. – Мы люди предусмотрительные, хоть у нас всего один телевизор.

– Да и тот старый, – усмехнулся Алешка.

А когда за ужином мама положила папе пирожки на тарелку, он шутя возмутился:

– Что так мало? Кто их все поел?

– Лёва Кошкин! – объявил Алешка, хотя, по правде говоря, он от Лёвика в поедании пирожков не отставал.

– Кошкин? – Папа вопросительно поднял бровь. – Знакомая фамилия. – И улыбнулся. – Лев Кошкин – хорошее сочетание.

– Ну и что? – сказала мама. – У нас вахтер – Карп Собакин. И никто не удивляется.

– Лев Мышкин еще есть, – добавил я.

– Это который идиот? – спросил Алешка.

Слышал бы тебя наш Бонифаций!

Глава IV

Темная ночь

С того дня Лёвик Кошкин стал частым гостем в нашем доме. Тем более что мама привезла с работы старый компьютер. Ей его отдали, чтобы так просто не выбрасывать. Но он еще работал. И Алешка им увлекся. Освоил его в один вечер и использовал на всю катушку. Он даже уроки приспособился делать с его помощью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.